

УДК 378

Д. А. Баранов

Музейное поле этнокультурных самоидентификаций

Баранов Дмитрий Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, заведующий, кандидат исторических наук, dmitry.baranov@list.ru

В докладе на примере музейных репрезентаций Этнографического отдела Русского музея Александра III анализируются кейсы конструирования и поддержания этнокультурных идентичностей у авторов экспозиций. Создание экспозиции вскрывает сложный, непрерывный процесс самоидентификации ее устроителей, которая при общей отсылке к русскости подчеркивала ее разные, в зависимости от контекста, аспекты: географический, политический, языковой, но почти никогда – этнический. Последний требовал отождествления этнографов музея с культурой показываемого в его стенах народа. В случае с русскими это было проблематичным, поскольку носителями русскости считались крестьяне – сословие, которое в общественном дискурсе того времени рассматривалось как «свой другой» народ.

Ключевые слова: этнографический музей, идентичность, экспозиция, крестьяне, репрезентация.

Стало уже общепринятым говорить о значимой роли этнографического музея в формировании этнокультурной идентичности его посетителей и в «производстве национального субъекта» в рамках государства. При этом основное внимание в связи с этим уделяется

обычно адресату выставочной деятельности музея – его посетителям¹. В самом деле, знакомство с этнографическими экспозициями запускает механизм этнической самоидентификации посетителя, неважно, какие именно культуры репрезентируются в музее: культуры «других» или «своя» культура. Это верно и для самих сотрудников музея, постоянно включенных в музейное поле социального взаимодействия, которое является необходимым условием формирования у его участников этнической идентичности.

В докладе на примере экспозиционно-выставочной деятельности существовавшего в 1902–1934 гг. Этнографического отдела Русского музея (далее – ЭО) будут рассмотрены случаи продуцирования идентичностей прежде всего у авторов экспозиции.

Природа музейной репрезентации предполагает тесную взаимозависимость ее субъекта и объекта: важно не только, что (кто) показывается, но и кто показывает, сама оптика взгляда обнаруживает/формирует идентичность авторов. В общеевропейской традиции экспозиционный комплекс устанавливал экзотического «другого» как категорию визуального представления, которое, в свою очередь, стимулировало и создателей выставок, и аудиторию представлять себя в контрасте как однородное, преимущественно белое и европейское по культуре сообщество².

В случае с ЭО проблема заключалась в том, что референтом его выставок выступали преимущественно «некультурные» народы своего же государства, поскольку ЭО создавался как музей, посвященный прежде всего своей территории и своим народам, что требовало «инвентаризации» и систематизации всего этнического и культурного разнообразия империи. При этом в категорию «своих» народов попали не только русские крестьяне, но и «инородцы» российского государства. Два основных аргумента выдвигались в пользу подобной трактовки: 1) пространственная локализация – их объединяет проживание в пределах одного государства; и 2) подданство – по словам первого директора музея Д. А. Клеменца, «...это разнообразное, разноязычное, разноверное население состоит из русских подданных»³. Именно поэтому знакомство с народами России скорее создавало у посетителей не однородный образ своего сообщества, а мозаичный, который включал в себя и «невысокие этнические культуры». Это ясно осознавал тот же Клеменц, который еще до организации ЭО в письме графу И. И. Толстому отмечал: «Говорят, нужно этнографию культурных племен отделить от некультурных, а посему нужно иметь и два музея – один для культурных, другой для некультурных народов... мы с нашими инородцами сжились, сроднились, перемешались. Непрерывная линия поселений связывает русское население с окраинным, и особенно некстати это деление

было бы в пору колонизации окраин. Сибиряка нельзя представить в музее без инородцев, среди которых он живет»⁴.

Двусмысленность музея усиливалась и поставленной перед ним задачей изучения и репрезентации в первую очередь «русского племени» и по преимуществу великорусского, а главное – демонстрации его господствующей, государствообразующей роли. Но как показывать эту роль, не рискуя обнаружить недостаточную «культурность» русского народа? Ведь музейная этнография традиционно была сосредоточена на показе «первобытных», или экзотических народов, да и само существование этнографического музея строилось на политике исключения из сферы его интересов культуры в том ее понимании, которое доминировало в общественном дискурсе в это время, и влияние которого на музейную этнографию прослеживалось еще на протяжении первой половины XX в.

Выход из ситуации нашли в предварительном препарировании культуры русского народа, которая классифицировалась как «цивилизованная», чтобы ее показ соответствовал интересам и требованиям тогдашней этнографии. Для этого в качестве объекта изучения и экспонирования некоторые этнографы предлагали выбрать «низшие формы» культуры как пережитки прежних стадий, которые сохранились у крестьян. Именно у них, хранителей традиций предков и выразителей «народного духа», находили черты «истинной русской народности», которая и делала их показ в музейных стенах легитимным в глазах этнографов.

Сочетание в едином музейном пространстве признаков крестьяноведения и общей этнографии не могло не вызвать дискуссий относительно принципов их показа и размещения в экспозиции. Действительно, если сама специфика музейной этнографической репрезентации своего народа предполагает конструирование дистанции, заключающейся в ориентализации показываемой культуры, то «некультурные» народы в европейской перспективе сами по себе достаточно экзотичны, а главное – монолитны и поэтому не требуют специальных когнитивных усилий, направленных на выявление «низших форм культуры». В последнем случае этничность сопрягается не с отдельным сословием, например, крестьянством, а с целым народом. Упомянутая выше европейская перспектива, подразумевающая дихотомию: цивилизованная нация/некультурный народ (племя), – в случае с ЭО не выглядит столь однозначной. Причина этой неоднозначности заключается в двойственном положении русского народа в Российской империи, который, с одной стороны, выступал в качестве доминирующей и колонизирующей силы, с другой – как экзотический народ, который необходимо изучать, объяснять и просвещать.

Несмотря на усилившиеся попытки со стороны властей «этнизации» знати, то есть описания ее в терминах «русскости», найти «этническую русскость» в социальных верхах и, соответственно, в основателях музея и кураторах выставок, было так же трудно, как и, по словам Клеменца, в «машиностроении, горном деле, сельском хозяйстве, химических продуктах или строительном деле»⁵. И все же понятие «русский» играло важную роль в самоидентификации кураторов. Только увязывалось оно не с этническими корнями, а с государственностью: быть русским означало быть русским подданным. Когда участник совещаний академик А. А. Шахматов говорит об основании музея: «мы русские люди должны радоваться» созданию музея⁶, то очевидно, что выражение «мы русские люди» подразумевает не этническую характеристику, а национальную, в смысле «гражданскую принадлежность». Более того, можно заметить, что определение «русский» в музейных дискуссиях лишается каких-либо этнических или языковых коннотаций в тех случаях, когда оно применяется к социальным верхам, и, наоборот, по отношению к крестьянству и отчасти купечеству оно начинает идентифицироваться с этничностью/народностью. В целом, размытость и гибкость трактовки «русскости» смягчала противопоставление между субъектом и объектом этнографического экспонирования, а также между «русским племенем» и «иногородцами» империи. В музейном дискурсе рубежа веков возобладала идея этнического многообразия и перемешанности народонаселения России, приведенного к общему знаменателю – подданству: «Все это разнообразное, разноязычное, разноверное население состоит из русских подданных»⁷.

Но являются ли проектируемые экспозиции ЭО «русским взглядом» на русский народ? Очевидно, что нет, иначе бы экспозиция превратилась в инструмент саморепрезентации культуры, то есть в данном случае это выглядело бы так, как если бы «русские» этнографы показывали «свою», русскую – но не крестьянскую! – культуру. Демонстрирование «своей другой» культуры – крестьянской, которой приписывались консервативность и аутентичность, а значит и «настоящая русскость», порождало негативную этническую идентичность музейных экспозиционеров, которые в этом поле идентификаций оказывались «нерусскими» или по меньшей мере «не совсем русскими». Этот щекотливый аспект тонко подметил Д. А. Клеменц в своем письме графу И. И. Толстому, в котором подробно была изложена концепция создания ЭО РМ. Будущий директор, размышляя о специфике этнографического музея, писал: «Самое ценное в описательной этнографии – уловить свое, самобытное, вошедшее в плоть и кровь данного народа. Все мы люди русские, но

в этнографическом отношении представляем плохой материал – в нас много нерусского, много национального происхождения не имеющего, возникшего просто из взаимного общения разных национальностей»⁸.

Из музея исключались «культурные» народы или их социальные элиты, тем самым ЭО институционально формировал и поддерживал «высококультурную» идентичность создателей экспозиций и посетителей в целом, став легитимным источником отчуждения культуры от неевропейских народов. Но одновременно с этим происходила актуализация «негативной» («нерусской») этнической идентичности его устроителей, поскольку музейное пространство всегда иерархично, само экспонирование разных культур предполагает дистанцирование, взгляд с «высоты» имперского музея на показываемые народы. При этом постоянно звучащее требование делать экспозиции доходчивыми и образными для публики невольно создавало образ малообразованного посетителя, «простого человека», а авторов превращало, в терминах Риддинга, в «необычных людей», «вертикальных интеллектуалов»⁹.

Факт существования этнографического музея в качестве «национального», научно-публичного института, несмотря на включенность его в патриотический нарратив, в целом не решал задачи строительства общенациональной идентичности, поскольку сама этнография основана на конструировании культурных границ, или, как бы сейчас сказали, онтологической прерывности, разделяющей исследователя/наблюдателя и объект исследования/наблюдения. Музей показывал и учил, что значит быть русским, украинцем, черкесом, тунгусом. Но не всегда мог дать ясный ответ, что значит быть россиянином в этнокультурной перспективе. Иными словами, музей реализовывал функции инструмента сохранения/конструирования этнической идентичности, но никак не общенациональной. Речь, скорее, шла об имперской идентичности только определенной категории граждан – русскоязычных городских жителей, поскольку они и являлись адресатом экспозиций, посвященных сельским и «туземным» культурам. Даже в тех случаях, когда допускалась мысль о посещении музея представителями «инородцев», – В. Ламанский даже предлагал делать этикетки на двух языках: русском и того народа, чья культура представлена на экспозиции, – позитивный результат этого виделся лишь в том, что можно «ожидать от них и разных вкладов и приношений»¹⁰.

Строительство экспозиции ЭО вскрывает у ее авторов сложный, непрерывный процесс самоидентификации, которая при общем обозначении «русский» подчеркивала в зависимости от контекста ее разные аспекты: географический, политический, языковой, но почти никогда – этнический. Последний требует отождествления

этнографов ЭО с показываемым в его стенах народом. В случае с русскими это было проблематичным, поскольку носителями «русскости» считались крестьяне – сословие, выступавшее в публичном дискурсе этого времени как «свой другой» народ.

¹ Например, см.: Museum Studies. An Anthology of Cotext. Ed. by V. M. Carbonell. Blackwell Publishing, 2010. P. 640.

² Karp I., Kratz C. Reflection on the fate of Tippoos' Tiger. Defining cultures through public display. Routledge, 2000. P. 201.

³ АРЭМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 11. Л. 55. 1901 г.

⁴ Цит. по: Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по этнографии народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб., 2012. С. 90–91.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 11. Л. 13 об. 1918 г.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об., 55 об.

⁸ Цит. по: Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела... С. 82.

⁹ Риддингс Б. Университет в руинах. М., 2010. С. 161.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.

UDC 378

D. A. Baranov

Museum Field of Ethnocultural Self-Identification

Baranov Dmitry Aleksandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, head of Department, dmitry.baranov@list.ru

The article examines cases of constructing and maintaining ethnocultural identities among the authors of expositions of the Ethnographic Department of the Russian Museum by Alexander III. Display-making revealed continuous and complicated self-identifying of its organizers. This process took place through emphasizing various aspects of Russianness such as geographical, political or linguistic, but almost never as ethnic. The latter required the identification of the museum's scholars with the culture of the peoples represented within its exhibition area. But in relation to the Russians that was problematic, because only the Russian peasantry was considered to be bearers of the Russianness in the public discourse of that time. The peasantry were also regarded to be a separate social stratum by the display-makers, „ours” and „other” people consentaneously.

Key words: ethnographic museum, identity, exposition, peasants, representation.